

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО 6 СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Воскресенье, 11-го (24-го) Іюля 1904 года.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ № 8148.

У Антона Павловича Чехова.

(Изъ воспоминаній моего пріятеля).

Антон Павлович Чехов я зналъ около двадцати лѣтъ; онъ былъ безконечно добръ ко мнѣ; въ то время, когда Чеховъ былъ москвичемъ, мы видѣлись очень часто, когда же онъ купилъ имѣніе „Мелихово“, верстахъ въ восьмидесяти отъ Москвы, мы видѣлись почти въ каждый изъ его пріѣздовъ въ Москву, и я нѣсколько разъ навѣщалъ его въ „Мелиховѣ“. Наши встрѣчи стали болѣе рѣдкими съ переѣздомъ Чехова въ Ялту, такъ какъ онъ пріѣзжалъ въ Москву изъ Ялты рѣже, чѣмъ изъ „Мелихова“, я-же, связанный постоянной работой, совѣмъ не могъ уѣзжать изъ Москвы надолго. Но и тутъ Чеховъ не забывалъ меня во время своихъ пріѣздовъ. Въ минувшемъ декабрѣ, въ предпоследній пріѣздъ свой въ Москву, онъ писалъ мнѣ:

„Дорогой А. С., очень бы хотѣлось по-видаться съ вами, потолковать, вспомнить старину. Напишите мнѣ, въ какой день и часъ вы могли бы зайти ко мнѣ, и тогда я останусь дома, буду поджидать. Теперь у меня репетиція (Чеховъ пишетъ о репетиціяхъ „Вишневаго сада“), я завертѣлся, и меня трудно застать дома. Пожалуйста напишите“.

И вотъ, черезъ полгода, вмѣсто его милыхъ словъ, страшныя слова стоятъ передъ глазами:

„Чеховъ умеръ“. Чехова нѣтъ!

И я стараюсь уйти отъ этихъ страшныхъ словъ и воскрешаю одно изъ моихъ милыхъ воспоминаній, одинъ изъ дней, проведенныхъ вмѣстѣ съ прекраснымъ

писателемъ и человѣкомъ; отъ горечи текущаго дня я уношуся мечтой въ ту страну, о которой писалъ мнѣ Чеховъ.

Я вспоминаю лѣтній день, проведенный мною въ серединѣ восьмидесятихъ годовъ на дачѣ Чехова, вдали отъ желѣзной дороги, въ глухомъ Воскресенскомъ уѣздѣ, гдѣ я бывалъ у него не разъ. Я вспоминаю молодого, жизнерадостнаго Чехова, какимъ онъ былъ въ первые годы нашего знакомства...

* *

Утро; довольно рано; восьмой часъ въ началѣ; я ворочаюсь на постели.

— Вы проснулись, А. С.?—спрашиваетъ Чеховъ.

— Да.

— Не будете больше спать?

— Не буду.

— Ну, давайте вставать, если такъ. Васъ не стѣсняетъ мое присутствіе?

— Вотъ еще! Вы не женщина,—усмѣхаюсь я.—Не любимая женщина.

Чеховъ съ удивленіемъ поднимаетъ глаза на меня.

— Вотъ какъ?!—говоритъ онъ.—А любимой женщины вы бы стѣснялись?

— Да. Я не хотѣлъ бы показываться ей, что называется, въ „безбѣльѣ“.

— Почему?

— Какъ то неловко.

— Ну, и чудакъ же вы, батенька!—хохочетъ Чеховъ.—Что за вздоръ?! Вы жизни не знаете. Ну, посудите сами: если передо мною вамъ въ „безбѣльѣ“ ловко, что же неловкаго быть въ „безбѣльѣ“ передъ любимой женщиной?! Во сколько разъ вамъ любимая женщина ближе, чѣмъ я!

И Чеховъ опять смѣется.

— Вы положительно не знаете жизни! „Безбѣлье“—это вздоръ. Нѣтъ, я года два назадъ ночевалъ у одного изъ знакомыхъ помѣщиковъ въ Сумскомъ уѣздѣ; постелили мнѣ въ комнатѣ, какъ разъ возлѣ его спальни. И вотъ...

Чеховъ съ ужасомъ рассказываетъ, какъ то сумской помѣщикъ, то сумская помѣщица будили его, время отъ времени поднимаясь съ постели.

На этотъ разъ хохочу я, а не Чеховъ.

— Да чтожь тутъ особеннаго?—спрашиваю я.

— Нѣтъ, знаете, это неловко! Это неловко!

Въ сосѣднихъ комнатахъ звенятъ стаканами, собирая утренній чай; за дверью раздаются шаги.

— Антонъ, къ вамъ можно?—спрашиваетъ одинъ изъ братьевъ Чехова.

— Можно.

Въ это время Чеховъ только что выпустилъ первую книгу изданія А. С. Суворина „Въ сумеркахъ“ и еще не имѣлъ въ рукахъ своего перваго серьезнаго сборника.

— Марья Владиміровна прислала тебѣ послѣдній номеръ журнала, съ отзывомъ о твоей книгѣ.

Марья Владиміровна—это жена владѣльца той маленькой усадьбы, близъ Воскресенска, въ которой Чеховъ снимаетъ флигель на лѣто. Марья Владиміровна большая поклонница Чехова и сама печатаетъ въ дѣтскихъ журналахъ рассказы для дѣтей. На столѣ Чехова лежитъ одна изъ книгъ Марьи Владиміровны съ такой приблизительно надписью: „Вы не разъ говорили, что въ

литературѣ, какъ въ арміи, нужны не только офицеры и генералы, но и простые рядовые: примите эту книгу на память отъ рядового“.

— Давай, почитаемъ!—говоритъ Чеховъ и беретъ книгу „Сѣвернаго Вѣстника“ или „Русской Мысли“.

Отзывъ довольно кислый, но онъ какъ то мало огорчаетъ Чехова, гораздо меньше, чѣмъ огорчали его плохіе, пристрастные, насмѣшливые или ругательные отзывы позднѣйшихъ лѣтъ. Извѣстности, славы еще не было. Но, мнѣ кажется, была несокрушимая увѣренность, что будутъ извѣстность и слава. Слишкомъ ярки, слишкомъ прекрасны были тѣ первые рассказы, которые напечаталъ Чеховъ передъ тѣмъ въ „Новомъ Времени“ и которые вошли въ его сборникъ; черезчуръ выдѣлялись они изъ всего, что писалось и печаталось въ то время; и Чеховъ не могъ этого не сознавать. Съ другой стороны, было прекрасное здоровье. Это было года за четыре до поѣздки на Сахалинъ, и у Чехова не было ни малѣйшихъ признаковъ чахотки, которая, ска-завъ кстати, въ семьѣ Чехова составля-етъ исключеніе, вопреки рассказамъ, что семья Чехова къ чахоткѣ предрасположе-на. Его отецъ умеръ 73 лѣтъ; его матери теперь около 70; изъ пяти братьевъ и сестеръ Чехова умеръ отъ чахотки только одинъ братъ—Николай, но всѣ знавшіе этого талантливаго художника и славнаго милаго человѣка подтвердятъ, что онъ слишкомъ мало заботился о себѣ, черезчуръ мало берегъ свое здоровье.

Весной, 1888 года, онъ схватилъ жесто-кій тифъ, окончательно расшатавшій его организмъ, который къ лѣту и сгорѣлъ въ

скоротечной чахоткѣ. Изъ остальныхъ—три брата Чехова и сестра его—живы и здоровы. Какое же это предрасполо-женіе къ чахоткѣ въ семьѣ? Смутно при-поминаю, что, по возвращеніи съ Саха-лина, Чеховъ свое недомоганье (тогда еще нельзя было думать, что оно окон-чится такъ печально) приписывалъ про-студѣ, схваченной имъ на берегу одной изъ сибирскихъ рѣкъ, когда подъ дож-демъ онъ нѣсколько часовъ ждалъ паро-ма, и его сильно продуло холоднымъ си-бирскимъ вѣтромъ. Затѣмъ, когда выяс-нилось, что болѣзнь Чехова не простая простуда, всѣ, знавшіе Чехова, конечно, избѣгали о ней говорить...

— Это—вздоръ,—усмѣхается Чеховъ, от-кладывая книгу,—но вотъ что, А. С., огор-чительно: сборникъ „Въ сумеркахъ“ лежитъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ, публика покупаетъ и читаетъ его, критики его одобряютъ и не одобряютъ, а я его еще и въ глаза не видалъ! Глупѣйшее поло-женіе.

— Почему-же вамъ не высылаютъ его?

— А я почему знаю? Я уже два раза писалъ, и никакого отвѣта! Я—авторъ и не знаю, что это за книга „Въ сумер-кахъ“, чортъ побери!

Я общаю ему выслать сборникъ, ко-гда возвращусь въ Москву, это утѣша-етъ Чехова, мы умываемся и идемъ пить чай.

Послѣ чаю Чеховъ садится за срочную работу.

— Нынче пятница, и я долженъ пи-сать рассказъ въ „Петербургскую Газе-ту“,—говоритъ онъ.

— У васъ есть тема?

— Есть.

— А какъ вы назовете вашъ будущій рассказъ?

— „Сирена“.

Я беру книгу и ложусь съ книгою на диванъ, а Чеховъ начинаетъ юмористи-ческий рассказъ (одинъ изъ своихъ очень удачныхъ юмористическихъ рассказовъ) для „Петербургской Газеты“. Я читаю и время отъ времени взглядываю на Чехо-ва. Онъ пишетъ очень медленно, безъ черновика и безъ помарокъ; передъ тѣмъ, какъ написать пять-десять строкъ, онъ долго думаетъ, иногда зажавъ колѣнами свои руки и наклонясь надъ столомъ, иногда откинувшись на спинку старень-каго кресла. Обдумавъ фразу, онъ беретъ перо и переноситъ ее на бумагу; и къ очень мелкимъ, но рѣдкимъ и четкимъ строчкамъ прибавляется еще нѣсколько строкъ. То, что пишетъ Чеховъ, вѣро-ятно, смѣшно, можетъ-быть, даже очень смѣшно, но улыбка ни разу не освѣ-щаетъ его лица во время работы; та ми-лая улыбка, которая такъ часто бродитъ по его губамъ во время бесѣды. Время отъ времени Чеховъ откладываетъ въ сто-рону маленькій листокъ писчей бумаги и принимается за другую, новую.

Передъ завтракомъ приносятъ почту. Среди газетъ номеръ петербургскаго журнала „Осколки“, въ которомъ въ то время Чеховъ писалъ очень много. Въ номерѣ—очень забавный, но нѣсколько легкомысленный рассказъ Чехова о на-дворномъ совѣтникѣ Семигусевѣ (ка-жется, о надворномъ совѣтникѣ Семи-гусевѣ), на крыльцо котораго прачка на короткое время положила своего младен-ца. Надворный совѣтникъ находитъ младен-ца, принимаетъ его за своего соб-

стенного, подкинутого одной из его пассий со злобы, и чуть-ли не идетъ съ младенцемъ къ женѣ каяться въ грѣхахъ. Въ рассказѣ есть нѣсколько фразъ, къ которымъ вполне примѣнимы слова Беранже, увѣрявшаго, что онъ пишетъ не для институтокъ; эти фразы—тоже не для институтокъ.

Насъ зовутъ завтракать.

— Вы прочли „Осколки“, А. С.?— спрашиваетъ Чеховъ.

— Да.

— Я тоже. Нужно ихъ прибрать.

Чеховъ запираетъ текстъ въ столъ и оставляетъ только картинки.

Послѣ завтрака мы собираемся идти за грибами (Чеховъ страшно любитъ ходить за грибами) и на минуту возвращаемся въ кабинетъ, кажется, за тѣмъ, чтобы захватить папиросы.

— Антоша, пришли „Осколки“?— спрашиваетъ сестра Чехова, въ то время только что вышедшая изъ подростковъ.

— Пришли,—отвѣчаетъ Чеховъ и подаетъ сестрѣ картинку.

— Антоша, а гдѣ же текстъ?

— Текстъ? Я не знаю, гдѣ текстъ. А. С., вы не брали текстъ?—спрашиваетъ онъ у меня серьезно.

— Нѣтъ, не бралъ,—еще серьезнѣе отвѣчаю я.

— Я тебѣ найду текстъ, Маша,—утѣшаетъ сестру Чеховъ, очень нѣжно любившій всѣхъ своихъ родныхъ.—Только не сейчасъ, послѣ.

Мы беремъ шляпы, палки, корзины и идемъ за грибами; выйдя изъ дачнаго садика, мы проходимъ къ забору усадьбы, за которымъ сейчасъ же начинается спускъ къ крошечной рѣчушкѣ, бѣгущей

отъ усадьбы къ городу Воскресенску, съ его монастыремъ, извѣстнымъ подъ именемъ „Новаго Иерусалима“; правѣе спуска почти вертикальный откосъ; на вершинѣ откоса бесѣдка владѣльца усадьбы К—ва. Это мѣстечко, вмѣстѣ съ бесѣдкой, зарисовано братомъ Чехова Николаемъ и рисунокъ за стекломъ виситъ на стѣнѣ чеховскаго кабинета; а рѣчушку, черезъ которую ведутъ узкіе мостки, вмѣстѣ съ противоположнымъ блѣдно-желтымъ песчанымъ берегомъ, написалъ масляными красками, тогда еще только что начинавшій выдвигаться художникъ, впоследствии прославленный талантъ, Исаакъ Левитанъ, близкій пріятель Чехова, и картина эта тоже виситъ въ кабинетѣ писателя. И когда я гляжу на нее, меня всегда изумляетъ отчаянно высоко взятый художникомъ горизонтъ.

Перейдя черезъ поле за рѣчкой, мы вступаемъ въ славный, старый лѣсъ, въ которомъ, по словамъ Чехова, грибовъ—сколько угодно и есть не мало бѣлыхъ. Ищемъ и говоримъ.

— На дняхъ N вернулъ мнѣ рассказъ!—говорю я, называя фамилію одного петербургскаго редактора.—Такая досада!

— Вотъ вздоръ!—отвѣчаетъ Чеховъ.— Есть о чемъ толковать!

— А вамъ онъ возвращалъ что-нибудь раньше?

— Мнѣ? Да сколько угодно.

И онъ начинаетъ припоминать терніи своихъ первыхъ литературныхъ шаговъ.

— Если получишь вещь обратно—это вздоръ,—говоритъ онъ.—Со мной случались вещи гораздо хуже. Знаете К—а?

— Да.

— Что онъ продѣлывалъ съ своими сотрудниками, чортъ его возьми.

И приглядываясь къ травѣ, не таится ли подъ нею грибовъ, Чеховъ продолжаетъ:

— Бывало, придемъ къ нему получать гонораръ, я, Пальминъ, Кичеевъ, всей компаніей, чтобы было нескучно: „дома?“— „Дома. Просятъ васъ подождать“. Сидимъ. Ждемъ, часъ и два, затѣмъ выйдемъ изъ терпѣнія и начнемъ стучать въ стѣнки, въ двери. Появится какой-нибудь заспанный малый съ пухомъ въ волосахъ и съ удивленіемъ спроситъ: „вамъ кого?“— „К—а!“— „Вотъ хватились! Да ужъ онъ ухалъ давно.“— „Какъ ухалъ?“— „Да такъ: вышелъ съ чернаго хода, сѣлъ на лошадь и ухалъ.“— „А про насъ ничего не говорилъ?“— „Говорилъ: пусть зайдутъ какъ-нибудь послѣ: нынче мнѣ некогда“. Плюнемъ да всей компаніей и пойдемъ. И такимъ образомъ, сколько сапогъ, бывало, истреплешь прежде, чѣмъ удастся получить грошевый гонораръ. А Л—въ? (Чеховъ называетъ фамилію одного газетнаго издателя). Онъ и до сихъ поръ не расплатился со мной.

— И много онъ долженъ вамъ?

— Не помню. Что-то около двухсотъ рублей, кажется. Да и помнитъ незачѣмъ. Теперь все равно съ него не получишь ни гроша. Я уже махнулъ рукой. А вѣдь, онъ богатѣетъ и богатѣетъ...

Съ терній первыхъ литературныхъ шаговъ переходимъ на творчество.

— Нужно быть оригинальнымъ!—говоритъ Чеховъ.—Въ темахъ, въ каждой фразѣ. Если вы написали три рассказа о людяхъ, пишите четвертый о лошади, о собакахъ, о кошкѣ. Пусть онъ будетъ хуже

тѣхъ, въ которыхъ вы писали о людяхъ. Его прочтутъ. Выбрасывайте безъ сожалѣнія все, что длинно, шаблонно, избито. Знаете, искусство писать для начинающаго не въ томъ, чтобы писать, а въ томъ, чтобы зачеркивать въ написанномъ все, что слабо и вяло. Нужно умѣть двумя-тремя словами нарисовать лицо, обрисовать положеніе. Возьмемъ такой случай: къ кому-нибудь приходитъ просительница; можно много писать о томъ, что она была бѣдна и убога, и не сказать читателю ничего; а между тѣмъ, если вы вскользь упомянете, что она была въ порывѣ тальмѣ, этимъ будетъ сказано все. Не такъ ли?

— О, да.

Возвращаемся на дачу мы съ порядочнымъ запасомъ бѣлыхъ грибовъ; мнѣ удастся напасть на грибное мѣсто, въ которомъ я снимаю штукъ семь или восемь, затѣмъ судьба не балуетъ меня удачей; а Чеховъ беретъ по одному, по два гриба и набираетъ штукъ до тридцати. Вернувшись, я опять принимаюсь за книгу, а онъ за рассказъ. Онъ пишетъ его и послѣ обѣда, до чаю. А передъ вечернимъ чаемъ говоритъ мнѣ:

— Уфъ, кончилъ!

Перелистывая странички, Чеховъ улыбаются.

— Какъ вамъ покажется: безъ единой поправки!

Я гляжу черезъ его плечо: дѣйствительно, ни одной поправки; строчки тянутся тонкими, ровными полосами, безъ помарокъ; традиціонной черточки тоже нѣтъ ни на одномъ изъ переносовъ.

— Почему вы не ставите тире на переносахъ?—спрашиваю я.

— Зачѣмъ? Эти тире только путаютъ наборщиковъ.

Чеховъ устало потягивается и говоритъ:

— Прочитайте „Сирену“, А. С. Не пропустили ли я гдѣ-нибудь слова или запятой? Нѣтъ ли бессмыслицъ?

Онъ прохаживается по кабинету, а я принимаюсь за чтеніе „Сирены“; все обстоитъ благополучно; всѣ слова и всѣ запятые на мѣстахъ; только въ концѣ рассказа, тамъ, гдѣ одинъ изъ героев беретъ за шляпу, вмѣсто шляпы, красуется шляпка. Я указываю Чехову на эту опіску.

— Нужно поправить!—торопливо говоритъ Чеховъ, берясь за перо, и добавляетъ юмористически онъ не дама!

Рассказъ отправляется въ конвертъ, запечатывается, и Чеховъ пишетъ адресъ на конвертъ не въ редакцію, я прямо въ типографію „Петербургской Газеты“. Я уѣзжаю на утро и беру съ собою письмо въ почтовый ящикъ николаевскаго вокзала. Письмо въ воскресенье будетъ въ типографіи и войдетъ въ понедѣльничныи номеръ „Петербургской Газеты“. Чеховъ пишетъ въ „Петербургской Газетѣ“ исключительно по понедѣльникамъ; началъ онъ съ гонорара въ 7 копѣекъ, но въ это время издатель „Петербургской Газеты“ С. Н. Худековъ платитъ ему уже по 12 копѣекъ за строчку.

И Чеховъ съ удовольствіемъ говоритъ: — Недурной гонораръ!

Послѣ чаю Чеховъ, его братья и я идемъ въ садъ, а затѣмъ въ бесѣдку надъ обрывомъ; съ нами и братъ его Николай, художникъ, пріѣхавшій изъ Москвы къ обѣду. Чеховъ любитъ Нико-

лая, быть можетъ, болѣе всѣхъ другихъ, но Николай—небольшого роста, что маскируетъ цилиндромъ, и Чеховъ не можетъ сдержать своего остроумія: онъ выдумываетъ разныя курьезныя положенія, въ которыхъ будто бы, ставитъ художника его маленькій ростъ, художникъ долженъ подставлять лѣстницу для того, чтобы цѣловаться и т. п.; и мы не можемъ удержаться отъ хохота, и самъ художникъ хохочетъ, кажется громче всѣхъ.

Всходитъ луна; въ поляхъ тихо и пусто; въ окнахъ большого барскаго дома К—ва загораются огни. Смотримъ на луну, острымъ, фантазируемъ, болтаемъ до тѣхъ поръ, пока изъ флигеля не придутъ служанка и не зоветъ насъ:

— Ужинать пожалуйста!

На утро съ восходомъ солнца (во флигелѣ всѣ еще спятъ) я ѣду на лошади на желѣзнодорожную станцію и затѣмъ въ Москву; въ Москвѣ я иду въ книжный магазинъ Васильева на Страстномъ бульварѣ (теперь этого магазина уже нѣтъ) и спрашиваю сборникъ Чехова „Въ сумеркахъ“. И прекрасный сборникъ отправляется къ своему прекрасному автору, на дачу близъ Воскресенска.

И вотъ уже нѣтъ въ живыхъ этого прекраснаго автора.

Холодно, пусто. Чеховъ умеръ. Чехова нѣтъ...

И слезы застилаютъ мои глаза и мѣшаютъ писать мнѣ...

А. Грузинскій.